

Глава 5. Похороны Мэн Тао

Чжоу Юань правил повозкой ровно и неторопливо. Сзади лежали материалы, которые он привёз из уезда для ремонта дома.

Поскольку Чэнь Цин не был разговорчив, тётушка Сун вскоре сама завела беседу с Чжоу Юанем.

— Скоро начнёшь строительство? — спросила она. — Сколько комнат собираешься делать?

— Три-четыре, — ответил Чжоу Юань. — Кухня, две спальни, главная комната и уборная.

Тётушка Сун кивнула:

— Для одного хватит. А повозку ты сам купил?

Чжоу Юань отвечал на её вопросы спокойно, рассказывая куда больше, чем говорил при тётке Хуа.

— Да. Так удобнее, всё-таки хожу по делам или работаю в поле.

Чэнь Цин тихо слушал их разговор. Не прошло и много времени, как его разморило, и он, убаюканный ходом повозки, уснул, уронив голову на плечо тётушки Сун.

Чжоу Юань бросил на юношу взгляд и тут же отвернулся.

Тётушка Сун сказала:

— Наш Цин немного замкнутый. Если он и сделает что-то не так, то потерпи. Он добрый, просто стеснительный.

Она знала его характер: тихий, сдержанный, в большой компании терялся и часто не понимал настроения других.

Чжоу Юань снова взглянул в его сторону. Чэнь Цин спал безмятежно.

— Ничего страшного. Мы же земляки.

Считая, что почти все вернулись с войны, тётушка Сун, естественно, хотела узнать побольше о Мэн Тао.

Хотя Чжоу Юань и сказал старосте, что Мэн Тао перед смертью попросил его присмотреть за матерью, на самом деле они только служили в одной части. Чжоу Юань попал в передовой лагерь, а Мэн Тао в пехоту. Их пути почти не пересекались, и Чжоу Юань толком его не знал. Он сказал так лишь для того, чтобы они не волновались.

Людей из одной деревни обычно распределяли по разным подразделениям, чтобы не возникали «свои» группировки. Чжоу Юань только помогал собирать тела после боя. Тогда всё было в таком беспорядке, что павших хоронили прямо там, где они упали. Мэн Тао ещё повезло, его тело осталось целым.

Но об этом он не мог сказать матери Мэн Тао.

— Мы были в одном лагере, — просто произнёс он. — Но днём почти не пересекались.

Тётушка Сун смотрела внимательно, надеясь услышать хоть что-нибудь о сыне от этого молодого человека.

— Он погиб в битве у Прохода Гупин два года назад, — продолжил Чжоу Юань. — Сражение было ожесточённым. Потери огромные с обеих сторон. Их пехотный батальон дал нам время перегруппироваться и заложил основу нашей победы позже.

Тётушка Сун вытерла глаза:

— Мой сын был храбрым человеком...

Чэнь Цин почувствовал, как её плечо дрожит. Проснувшись, он увидел, что тётушка плачет. Он достал и вручил ей платочек, вышитый им самим — с узором в виде диких гусей.

Юноша посмотрел на Чжоу Юаня осторожно, будто хотел что-то спросить. Тётушка Сун поняла и сказала, всхлипывая:

— Чжоу Юань рассказал мне немного о Тао-цзы.

Чэнь Цин опустил взгляд, потом снова поднял его и посмотрел на Чжоу Юаня с надеждой. Хотя он никогда не видел Мэн Тао, ему хотелось узнать о нём больше.

Но Чжоу Юань лишь скользнул по нему взглядом и, отворачиваясь, сосредоточился на дороге. Чэнь Цин ждал. Когда он понял, что продолжения не будет, то тихонько выдохнул.

На подъезде к деревне Чэнь Цин и тётушка Сун увидели, что строиться Чжоу Юань собирается совсем рядом с их домом — буквально по соседству.

Тётушка Сун на миг остановилась, а затем слегка улыбнулась:

— Значит, мы будем соседями.

Чжоу Юань кивнул.

— Да. Кстати, когда будут похороны? Как товарищ Мэн Тао, я хотел бы прийти с благовониями.

— Конечно, конечно, — кивнула тётушка Сун, испытывая к нему всё больше симпатии. Высокий, красивый, с порывистым, почти осязаемым запахом поля боя... Она думала: будь Таоцзы жив, выглядел бы он примерно так же.

Похороны назначили на двадцать седьмое марта.

Тётушка Сун уже известила всех деревенских. Делала она это вовсе не ради денег, а для того, чтобы Мэн Тао ушёл достойно.

С раннего утра приехали помощники из соседней деревни. Осмотрев приготовленные продукты, они быстро определили масштаб поминального обеда: один стол, три холодные закуски, четыре горячих блюда и суп. Этого было достаточно, чтобы выразить уважение.

Вместе с поварами пришли и наёмные работники, хорошо знавшие похоронные обряды.

Двор был маленький, поэтому столы, стулья и скамейки, взятые на время, расставили вдоль дороги перед воротами. Всего было пять столов.

Все знакомые женщины тётушки Сун пришли помочь, каждая принесла что могла — яйца, белую ткань и ещё что-то из мелочей.

К полудню людей ожидалось куда больше, но сам гроб должны были положить в землю утром.

Как вдовец Мэн Тао, Чэнь Цин мог сам решить, надевать ли траурную одежду.

Согласно обычаям Лохэ, вдовы имели на это выбор, поскольку траур по умершему супругу мог отпугнуть будущих женихов или невест, если те снова решат выйти замуж.

Тётушка Сун была единственной женщиной в Лохэ, которая надела траурную одежду по мужу. Из-за этого она крупно поссорилась с роднёй и не разговаривала с ними много лет.

Слова, сказанные Чэнь Цином прошлым вечером, не выходили у неё из головы. Она смотрела на приготовленные им траурные одежды, на головной платок и витую конопляную верёвку, которую он сплёл собственными руками.

Она попыталась отговорить его.

— А Цин, не нужно тебе это. Послушай меня. Не надевай траур. Ты ведь даже не виделся с Таоцзы. Не стоит.

Но Чэнь Цин покачал головой.

— Я должен, мама. Я считаю тебя своей настоящей матерью. Если не понесу траур я... что же, просить мне об этом тебя? Он не найдёт покоя, если уйдёт вот так.

Тётушка Сун долго уговаривала его, но в конце концов вынуждена была уступить. В тот день Чэнь Цин надел простые белые траурные одежды, завязал на волосы белый платок и подпоясался конопляной верёвкой. Он помогал распорядителям у ворот заниматься подготовкой.

Гроб Мэн Тао находился в главной комнате. Чэнь Цин стоял на коленях на циновке. Перед ним была жаровня, в которой тлели бумажные деньги.

Родным и знакомым позволялось зайти, подбросить бумажных денег или зажечь благовония до того, как гроб вынесут на гору.

Но с самого утра и до того момента, как гроб вынесли, никто не пришёл.

Чэнь Цин молча смотрел на жаровню, подбрасывая деньги. Хотя их брак существовал только на бумаге, а самого Мэн Тао он никогда не видел, он всё думал, у кого из них горе тяжелее — у него или у того самого Мэн Тао.

Думал... и тихо начинал плакать. Без звука. Будто оплакивал сразу двоих: Мэн Тао... и самого себя.

Это уже четвёртые похороны, которые он устраивал.

Первые — для своего отца.

Вторые — для своего «малого отца».

Третьи — для старухи, которую он никогда не видел. Это случилось через два года после того,

как Чэнь Цин продал себя в рабство. Торговец возил его по разным местам, но никто не хотел его покупать. Пока одна старушка не согласилась забрать его к себе, объявив, что он станет мужем её внука.

Она уже внесла задаток и даже подарила ему кошелёк, который сшила сама. И как только он был готов уйти вместе с ней, старушка внезапно заболела и умерла.

Его положение было постыдным. Позже он услышал историю этой семьи: сын старухи умер рано, невестка сбежала с другим, а единственного внука забрали в солдаты. Старушка не думала, что успеет дожить до его возвращения, поэтому и хотела найти ему супруга, чтобы хоть кто-то остался при доме.

Обычно Чэнь Цин никогда ни о чём не просил, но тогда он умолял торговца людьми:

— Я уже взял её задаток. Можно я останусь, чтобы похоронить её как следует?

Взвесив выгоду и убытки, торговец нехотя согласился. Чэнь Цин потратил целый день, чтобы найти её дом. С помощью деревенских он выкопал могилу и похоронил старушку. Все свои жалкие сбережения он потратил на петарды для того, чтобы запустить их перед её могилой.

Перед уходом юноша вошёл в её маленький двор. Там почти ничего не было, несколько вещей да постельные принадлежности. Он не стал выбрасывать их. Вместо этого аккуратно всё сложил и убрал в шкаф, представляя себе, как однажды вернётся её внук. В итоге он забрал только маленький кошелёк, который она успела вручить ему перед тем, как он ушёл с торговцем.

Вспоминая всё это, он вдруг заметил, что над ним легла тень. Чэнь Цин поднял голову. С его щёк катились слёзы, падали на белые траурные одежды, несколько капель свисали с подбородка.

Он не издал ни звука, но слёзы текли непрерывно, будто оборвалась нить жемчуга. Он увидел, как Чжоу Юань, весь в тёмном, подошёл вперёд, взял палочку благовоний, зажгёт её, трижды поклонился и поставил в курильницу. Затем он опустился на колени рядом с Чэнь Цином и начал сжигать бумажные деньги.

Чэнь Цин торопливо вытер капли слёз с подбородка. Потом выпрямился и почтительно поклонился Чжоу Юаню.

Взгляд Чжоу Юаня потемнел. Лишь когда он сжёт последние бумажные деньги для духа, он тихо поднялся и вышел из комнаты.

Когда наступил назначенный благоприятный час, гроб запечатали. Чэнь Цин шёл впереди процессии, неся в руках табличку с именем Мэн Тао и подношения.

День был ясный, и где-то в горах одинокий сверчок стрекотал.

Место для могилы Мэн Тао выбрали заранее, неподалёку от могилы его отца. Когда Чэнь Цин переступил через ворота кладбища, он услышал, как тётушка Сун заплакала.

Он крепче сжал табличку и подношения, а затем шагнул к краю могилы. Кругом стояли погребальные работники. Они пели, выкрикивали ритуальные слова, рассыпая зёрна и крупу.

Наконец он увидел, как носильщики опускают гроб в землю и медленно засыпают его песком.

Один из работников позвал его, попросив поджечь благовония и бумажные деньги.

Потом другой сказал, что возвращаться нужно другой дорогой, не той, по которой пришёл. По пути следовало сорвать веточку кипариса и сунуть в одежду.

Чэнь Цин на мгновение застыл. Когда работник повторил, он, наконец, поднялся и пошёл по незнакомой тропе. Нашёл веточку кипариса и прикрепил её к поясу.

Когда он вернулся во двор семьи Мэн, там уже собралось много сельчан. Никто не пришёл с пустыми руками. Кто-то принёс монетку-две, кто-то пару яиц. Никому не хватало бессовестности есть просто так.

Чжоу Юань сидел среди них, но он не знал никого, и никто к нему не подходил. Он тихо держался в сторонке.

Его слух, отточенный годами на войне, легко разобрал болтовню женщин неподалёку:

— Чэнь Цин и правда решил надеть траурную одежду?

— Да, он сам нёс табличку на гору. Что же, он больше не собирается жениться?

— Бедняга... он ведь даже не встретился с Мэн Тао.

— Хочет быть как Сун Цуй — одному всю жизнь?

— Грустно...

— А если потом пожалеет?

— В трауре — значит, любой, кто захочет на него посмотреть, станет опасаться дурной приметы. Думаю, ему будет трудно найти себе пару.

— Да к тому же, гляньте, какой он низенький! — шептала одна женщина. — Сразу видно, что не рожать ему. Кто ж отдаст молодого чистого гэра или нормальную женщину, чтобы выдать их за такого невезучего вдовца?

Чжоу Юань слушал, не меняясь в лице, но под его ногами будто земля начинала осыпаться.

Бедный Чэнь Цин вернулся запыхавшийся. Увидев его, тётушка Сун вынула веточку кипариса из его пояса и провела ею по нему, смахивая невидимую хворь. Юноша не понимал зачем, но стоял смирно.

Где-то в горах рванули петарды. Тётушка Сун хлопнула его по плечу:

— Ступай, скажи всем, что пора садиться за стол.

На поминальном обеде люди сразу повеселели. Земледельческий народ... кто ж упустит шанс на полный набитый живот? Вскоре у столов уже толкались локтями.

Чэнь Цин сидел на краешке лавки, не притронувшись к еде. С этого дня ему предстояло соблюдать траур: три месяца без мяса, полгода без цветной одежды и год без дальних дорог.

Когда односельчане разошлись, настало время подводить итог расходам.

Гроб купили поспешно, он вышел недорогим — три лян серебра за тонкие доски. Четырём работникам заплатили по сто двадцать медных монет. Триста — поварам. На мясо и овощи ушло ещё два лян.

Похороны обошлись почти в восемь лянов серебра.

Пособие Мэн Тао составляло десять лянов.

Но Чэнь Цин чувствовал, как тётушка Сун облегчённо выдохнула, будто завершила величайшее дело своей жизни.

И вдруг в груди Чэнь Цина поднялась тихая паника.

<http://bllate.org/book/14422/1274904>